

УДК 374.72

ББК 74.3

НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ — КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»*

Р.А. Фандо

Аннотация. Одним из малоисследованных вопросов отечественной истории был и остается процесс миграции наших соотечественников, деятелей науки и культуры, в зарубежные страны. В статье рассмотрена история формирования в 1920-х гг. Русских народных университетов в крупнейших европейских центрах: Париже, Белграде, Берлине, Праге. Покинувшие свою родину представители интеллигенции стремились к самоорганизации и продолжению своей просветительской деятельности. Целью проведенного исследования стало выявление ключевых фигур и реконструкция основных событий в истории народного образования Русского Зарубежья. Деятельность Русских народных университетов показана в работе в соответствии с политическими и социальными особенностями рассматриваемого периода, научными, организационными и психологическими характеристиками руководителей и профессоров рассмотренных вузов. Изученные исторические источники наглядно продемонстрировали, что идея прямого неотступного служения своим соотечественникам, оказавшимся вдали от России, глубоко пронизывала сферу творческой активности многих эмигрировавших профессоров. Сам замысел создания народных университетов воплощал идею о «мессианской» роли интеллигенции. В этом просветительстве, формировавшем научное мировоззрение широких слоев общественности, в первую очередь, молодежи, ведущие ученые видели способ выражения своей социальной позиции — важной составляющей их менталитета. Доказывается, что в основу организации «вольных» школ Русского Зарубежья был взят богатый опыт Общества народных университетов и негосударственных учебных заведений, наподобие Университета им. А.Л. Шанявского. Бывшие университетские профессора, которые продолжили свою просветительскую деятельность в Русских народных университетах, обеспечили не только передачу фундаментальных и прикладных знаний, но и стали объединяющим стержнем для наших соотечественников, оказавшихся на чужбине.

Ключевые слова: история высшего образования, народные университеты, научная эмиграция, Русское Зарубежье.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00563.

PUBLIC UNIVERSITIES — CULTURAL AND EDUCATIONAL CENTERS OF THE “FIRST WAVE” OF RUSSIAN EMIGRATION

R.A. Fando

Abstract. *One of the scantily explored issues of national history was, and remains, the process of migration of our compatriots, scientists, and cultural workers to foreign countries. The article considers the history of the formation of Russian folk universities in major European centers in the 1920s: Paris, Belgrade, Berlin, Prague. Intellectuals who left their homeland sought to self-organization and continued their education. The aim of this study is to identify the key figures and the reconstruction of the main events in the history of public education of the Russian Diaspora. The activity of Russian public universities is shown in the work in accordance with the political and social aspects of the period under review, research, organizational and psychological characteristics of managers and professors of universities considered. The historical sources under research have demonstrated that the idea of direct persistent service to its compatriots away from Russia, deeply penetrated the sphere of creative activity of a number of professors emigrants. The idea of creating public universities embodied the idea of “Messianic” role of the intelligentsia. In this education, which shaped the scientific outlook of large segments of the public, especially young people, leading scientists saw a way to express their social position — an important component of their mentality. It is proved that the arrangement of the «free» schools of the Russian Diaspora was taken by the rich experience of the Society of people’s universities and private educational institutions like A. L. Shanyavsky University. Former University Professors, who continued their educational activity in the Russian Universities of the People has provided not only the transfer of basic and applied knowledge but also became the unifying core for our compatriots who found themselves in a foreign land.*

Keywords: *history of higher education, Public Universities, scientific emigration, Russian Diaspora.*

Революционные события 1917 г. в значительной степени изменили привычную жизнь различных слоев российского общества. Не остались в стороне от этих преобразований представители науки и культуры. Обвинения в контрреволюционной деятельности, аресты, расстрелы без суда и следствия, национализация имущества поддерживали в сре-

де интеллигенции тягостное нервное напряжение. Положение людей усугублялось разрухой от захвативших страну Первой мировой и Гражданской войн. Из страны стали массово выезжать представители интеллектуальной элиты, понимавшие, что власть незаконно захвачена маргиналами, и в недалеком будущем в стране начнется хаос и бесправие.

Материальное положение многих ученых стало стремительно ухудшаться, были экспропрированы дома и ценное имущество, прекратилась выплата жалованья. Самым тягостным для научного сообщества России стала потеря надежд на продолжение исследований в связи с разгромом лабораторий, библиотек, опытных станций, прекращением зарубежных стажировок и отсутствием поступлений зарубежной периодики. Все это способствовало массовой миграции лучших представителей интеллигенции в зарубежные страны.

Эмиграция из России с 1918 по 1940 гг. получила в исторической литературе название «эмиграция первой волны». Именно первый массовый выезд наших соотечественников за рубеж после прихода к власти большевиков оказал заметное влияние на ход развития всей мировой цивилизации. Многие выдающиеся ученые-эмигранты далеко от своей родины смогли организовать крупные научные и образовательные центры, создать собственные научные школы и внести существенный вклад в зарождение новых направлений исследований. Участие русских эмигрантов в этих процессах позволило многим государствам повысить уровень собственной экономики, науки, культуры и образования.

В числе наших соотечественников, покинувших свою родину, оказались профессора и преподаватели различных университетов. География миграции была самой разнообразной, но наиболее популярными для выезжающих россиян оказались европейские города, в которых на протяжении уже длительного времени сложились университетские кор-

порации, со своими традициями и научными коллективами.

Часть научной интеллигенции выехала на территории, входившие ранее в состав Российской Империи. Финляндия, Польша и страны Балтии после обретения независимости стали также рассматриваться русскими эмигрантами как убежища для спасения от произвола, творившегося в советской России. В 1921 г. в Риге были организованы Русские университетские курсы, куда начали принимать лиц обоего пола, которые не могли попасть в Высшую школу Латвии (она была создана в 1919 г. и преобразована в Латвийский университет в 1923 г.) в связи с незнанием латышского языка. За организационную основу курсов была взята система работы Петроградского психолого-неврологического института [1]. В первый же год работы вуза студентам были прочитаны следующие систематические курсы: «Введение в историю русской литературы» (К.И. Арабажин), «Классическое искусство» (К. Рончевский), «Гражданское право» (В.М. Грибовский), «Логика» (М. Вайнтроб), «Общая теория права» (М.Я. Лазерсон), «Высшая математика» (И.В. Гольдштейн), «Химия» (И. Закс), «Физическая химия» (М. Центнершвер) [1].

Одним из активных деятелей Русских университетских курсов в Риге был В.М. Грибовский, в прошлом преподаватель Петербургского, Новороссийского и Томского университетов, читавший также общедоступные лекции по земскому и административному праву. В 1919 г. он переехал в Ригу, где стал директором Славянской гимназии, а затем профессором на университетских курсах.

Положение наших соотечественников за рубежом некоторое время оставалось очень тяжелым, так как эмигранты были юридически бесправными. Большую роль в решении сложившейся ситуации сыграла Лига Наций, которая была создана вскоре после окончания Первой мировой войны, в 1919 г. Деятельность этой международной организации была связана с юридической и социальной поддержкой беженцев из различных государств. Комиссар Лиги Наций по делам военнопленных и беженцев Фритьоф Нансен, известный полярный исследователь, зоолог, океанограф, в 1922 г. предложил ввести паспорта сначала для русских эмигрантов, а затем и для всех лиц без гражданства. Эти паспорта в обиходе стали называть «нансеновскими паспортами». Для их выдачи необходимо было подтвердить свою личность и оплачивать ежегодный денежный сбор, чтобы продлевать срок действия данных документов. Получение эмигрантами хоть какого-то удостоверяющего личность паспорта значительно упростило их пребывание в чужой стране и дало возможность для перемещения и легального заработка. Благодаря этому нововведению многие наши соотечественники покинули Россию и обосновались на чужбине.

В 1922 г. произошло небывалое по своему масштабу событие — 200 наших соотечественников, представителей науки и культуры, выехали из Петрограда в Германию на кораблях «Пруссия» и «Обербургомистр Хакен». Среди покинувших родину были активные деятели Общества народных университетов и преподаватели Московского городского на-

родного университета: философы С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, Н.С. Трубецкой; историк А.А. Кизеветтер; экономисты С.Н. Прокопович, Б.Д. Бруцкус; литературовед Ю.И. Айхенвальд. Данная акция по перемещению представителей интеллектуальной элиты, получившая название «философский пароход», была далеко не единственной: многие ученые, писатели, деятели культуры приезжали в Одессу, чтобы отплыть в Константинополь, на поездах из Москвы и Петрограда отправлялись в Варшаву, Берлин, Харбин, Хельсинки, Ригу. Для руководителей нового советского государства, Ленина и Троцкого, все покидающие родину интеллектуалы были, в первую очередь, — идейными противниками и растлителями думающих слоев населения [2].

Отступление белогвардейских войск вызвало отъезд всех тех, кто верил, что власть большевиков — лишь временное явление. Кроме офицеров, уезжающих за рубеж из Севастополя и Одессы, на кораблях находились гражданские лица, которые уже потеряли все надежды на восстановление порядка в России. В апреле 1919 г. из Одессы в Константинополь началась отправка кораблей с нашими соотечественниками, большую помощь в этом оказывало французское представительство Красного креста. Другим пунктом концентрации отступающей белой армии был Крым, где в феврале 1920 г. оказалось большое скопление солдат и офицеров армии Деникина. В ноябре 1920 г. из Севастополя отплывали груженые людьми корабли: всего было эвакуировано 137 тыс. человек на 126 суднах. Все отплывшие из Севастополя корабли

прибыли в Константинополь. Беженцев здесь ждали новые испытания: дело в том, что турки не разрешили прибывшим кораблям войти в порт, для проведения переговоров высадились лишь командование Белой гвардии, которое находилось на крейсере «Генерал Корнилов». Люди, оставшиеся на других кораблях, были вынуждены жить в нечеловеческих условиях: без еды и воды. Самое страшное, что не было никакой определенности относительно их дальнейшей судьбы, турецкое правительство не спешило принимать положительное решение о приеме русских мигрантов. Сложившейся ситуацией воспользовались местные предприимчивые жители, которые сновали на своих лодках вокруг кораблей и обменивали еду и воду на дорогие украшения, оружие, одежду и предметы быта [3].

Когда все же беженцам разрешили высадиться на берег и устроить временные лагеря для проживания, они оказались в очень тяжелом положении: жили в палатках под открытым небом, не было возможности нормально приготовить еду, помыться, получить необходимую медицинскую помощь. Многие наши соотечественники, понимая, что у них нет никаких перспектив для дальнейшего проживания в Турции, стали искать возможности для дальнейшего перемещения в различные европейские государства: Германию, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, Францию, Болгарию, Чехословакию, Польшу, Великобританию.

Достаточно радушный прием был оказан русским переселенцам в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, это название королевство носило с 1918 по 1929 гг., до момента

ропуска парламента королем Александром I Карагеоргиевичем и устает новления собственной диктатуры, после чего государство стало именоваться Королевство Югославия. Александр I, будучи выпускником Пажеского корпуса, прекрасно знал русский язык и любил наше искусство. Он стал настоящим покровителем российских беженцев, которые прибывали в Белград уже с начала 1918 г., спасаясь от преследования красноармейцев. Таким образом здесь оказался видный экономист, преподаватель Московского городского народного университета Д.Н. Иванцов, с именем которого было связано создание эмигрантской организации «Крестьянская Россия».

В 1921 г в Белграде наблюдался массовый приезд наших соотечественников. Кроме поддержки короля и правительства, большую помощь в адаптации русских переселенцев оказали Комитет земского и городского союзов (Земгор) и Российский Красный Крест, которые имели свои представительства в Белграде. Руководство страны и лично сам король Александр I были заинтересованы в привлечении в различные сферы экономики высококлассных специалистов из России. Особая поддержка была оказана российским ученым, которые по воле судеб оказались в Белграде. Для продолжения их научной и образовательной деятельности были созданы Русский народный университет, Русский научный институт, Общество русских ученых, Русское археологическое общество, Русский коммерческий институт, Союз русских инженеров [2].

Создание Русского народного университета в Белграде наметилось

еще в 1920 г., но после длительных переговоров осуществилось только в 1925 г. Большую роль в этом деле сыграли Представительство союза городов в Королевстве СХС, Русская академическая группа, Русско-Сербское медицинское общество, Общество агрономов, ветеринаров и лесоводов, Союз инженеров. На встречу РНУ в Белграде шло руководство Белградского университета, в частности, ректор Чеда Митрович и ученый секретарь Павел Стефанович, предоставляя для чтения лекций университетские аудитории и информируя молодежь о возможностях познакомиться с историей, культурой и наукой России [4, л. 484–488].

Лекции в университете читались не циклами: каждая лекция представляла собой законченное целое. Вход для слушателей был бесплатным [там же, л. 471–476]. После первого года работы университета Правление провело анкетирование слушателей и обобщило полученные данные с выводами и рекомендациями для дальнейшего совершенствования учебного процесса. В 1926–1927 уч. году в программу занятий добавились новые лекции, что в значительной степени увеличило численность студентов. Всего во второй год работы РНУ в Белграде лекции посетило около 4 тыс. человек. Наиболее популярными оставались лекции по литературе, истории и философии [там же, л. 478–483].

Достаточно большое количество русских беженцев прибыло из Константинополя в Чехословакию. Большую помощь для интеграции российских мигрантов в местное социокультурное пространство оказал президент Чехословакии Т.Г. Масарик,

который с августа 1921 г. стал реализовывать «Русскую акцию» — проект, направленный на привлечение российской молодежи на работу в различных сферах чехословацкой экономики. Финансовое обеспечение данного проекта было реализовано за счет государственных средств и личных сбережений президента Т.Г. Масарика и первого премьер-министра К. Крамаржа. Поддержка русских эмигрантов выражалась в ежемесячном денежном пособии в размере от 300 до 500 крон, в результате чего приехавшие студенты и профессора университетов получали достойное денежное пособие [5].

В 1920-е г. в Чехословакии проживало достаточно много выходцев из России, поэтому в Праге они устраивали совместные вечера и праздники, создавали общественные организации, поддерживали друг друга в тяжелых ситуациях. Радужная встреча наших соотечественников чехословацким правительством со временем сменилась прохладным отношением, поэтому многих мигрантов перестали брать на государственную службу и принимать в правительственные учебные заведения. «По мере того как стало выясняться, что русская эмиграция может задержаться на неопределенно долгое время, а в особенности после установления дипломатических отношений между Чехословакией и Советской Россией, — вспоминал М.М. Новиков, — симпатии чехов к беженцам начали таять и кредиты на них стали ассигновываться все с большими и большими затруднениями» [6, с. 252]. Бывший ректор МГУ М.М. Новиков и многие представители профессорско-преподавательско-

го корпуса Императорских высших учебных заведений, оказавшиеся в Праге, понимали, что при ухудшающемся положении мигрантов в Чехословакии необходимо создать Русский народный университет, по образцу Университета им. А.Л. Шанявского, для продолжения традиций русской науки и социализации эмигрантской молодежи. Активное участие в продвижении данного вопроса сыграли представители Земгора в Чехословацкой республике, которые были заинтересованы в социальной адаптации выходцев из России.

Официально Русский народный университет (РНУ) был открыт 16 октября 1923 года, председателем правления университета был избран известный зоолог, организатор науки, политический деятель М.М. Новиков [7, л. 23]. Лекции для первых слушателей народного университета преподаватели стали читать выдающиеся деятели науки, которые имели за плечами опыт преподавания в народных университетах: историк А.А. Кизеветгер, философ С.Н. Булгаков, физик А.А. Эйхенвальд.

В РНУ для работы по популяризации научных знаний и организации лекции были созданы Культурно-просветительный отдел и Лекционная комиссия, которые занимались разработкой программно-методических материалов, подбором преподавателей, размещением информации о занятиях на страницах эмигрантских изданий. «В основе подбора лекторских сил должна быть положена свобода лекторского слова, свобода его мысли и никакое давление на его совесть, на его убеждения — ни в каком случае не допустимо, тем более не может быть и речи о

том, чтобы лекторы подбирались по какому-либо определенному политическому мотиву» [там же, л. 18]. С одной стороны, правление РНУ призвало не подходить строго к отбору студентов, с другой стороны — предъявляло высокие требования к уровню приглашенных преподавателей и к содержанию лекционно-семинарских занятий. В составе РНУ функционировали следующие отделения: естественных и прикладных наук, общественных наук, историко-философское, отделение по изучению Чехословакии, специальных курсов и начальных школ.

Русский народный университет в Праге преследовал перед собой в основном цели консолидации русских эмигрантов Чехословакии, а не развития научных знаний, как это было в Университете им. А.Л. Шанявского. Наиболее приближенными к развитию исследовательских способностей слушателей были отделения общественных наук, историко-философское, естественных и прикладных наук. На общественном отделении работали семинар по изучению современной России (руководители — В.Н. Тукалевский, К.Р. Кочаровский) и семинар по изучению сельской России (руководитель — К.Р. Кочаровский) [8]. Аналогичные семинары были и на историко-философском отделении: по изучению наследия Ф.М. Достоевского (руководитель — А.Л. Бэм), ревнителем русского слова (руководитель — С.В. Завадский), и на естественном отделении — по общим вопросам естествознания (под руководством М.М. Новикова) [там же].

Силами преподавателей Пражского РНУ издавались сборники научных трудов. Первый сборник на-

считывал статьи 27 авторов, распределенных редакцией по пяти отделам: отдел общественных наук, историко-филологический, естественно-научный, философский, отдел по изучению истории Чехословакии. Бывший преподаватель Университета им. А.Л. Шанявского Д.Н. Иванцов опубликовал здесь работу о социальных и психологических предпосылках рабочего движения. Его коллега, тоже в прошлом «шанявец», А.А. Кизеветтер поместил в сборнике статью об одном любопытном факте политической истории России XVIII в. — дворянских проектах 1730 г. Возражая против устоявшегося представления на авторов этих проектов как на конституционалистов, Кизеветтер утверждает в статье, что «верховники» 1730 г. воплотили в себе традицию старого боярства и в духе своих предков пытались устроить союз привилегированных дворян [9, л. 502]. В третьем сборнике «Трудов...» Кизеветтер опубликовал исследования по истории национального возрождения Чехословакии [там же, л. 782].

В 1922 г. в Праге был открыт Русский юридический факультет, деканом которого стал профессор П.И. Новгородцев. Русский юридический факультет был также организован по принципу народного университета. В новом учебном заведении можно было встретить блиставших в Университете им. А.Л. Шанявского преподавателей: Д.Н. Иванцов читал статистику, С.Н. Булгаков — церковное право, А.А. Кизеветтер — русскую историю. Кроме чтения лекций для слушателей преподаватели должны были проводить научную работу. В отчете Русского юридического факультета в Праге за 1923–1924 учеб-

ный год в перечне опубликованных работ можно увидеть статьи: Д.Н. Иванцова «Промышленность и восстановление сельского хозяйства», «Мировое хозяйство в 1923 г.», А.А. Кизеветтера «Крестьянство в русской исторической литературе», «У истока сословно-дворянской монархии», «Победоносцев» [там же, л. 518–539]. В отчете за 1924–1925 учебный год можно прочесть, что Д.Н. Иванцов напечатал в течение года статьи: «К походу на НЭП» («Свободная Россия», № 3), «Русские беженцы в Югославии» («Русский экономический сборник», № 2), «Война и современное состояние русского сельского хозяйства» («Труды Съезда русских сельскохозяйственных деятелей в Праге»), А.А. Кизеветтер опубликовал свои работы: «Иван Пересветов», «К истории крестьянских движений в России», «Пугачевщина», «Дмитриевский и основные направления в русском сценическом искусстве», «Чехи в Москве в 1867 г.», С.Н. Булгаков подготовил и напечатал серию статей по богословским проблемам [там же, л. 502–517].

Приобщение студентов к научной работе происходило на семинарах, которые объединяли молодых людей из различных учебных заведений. С.Н. Булгаков вел семинары по богословию для слушателей Русского юридического факультета и Педагогического института. Семинары Д.Н. Иванцова были посвящены статистическим исследованиям. В 1923 г. под председательством профессора П.И. Георгиевского работала комиссия для переписи русских студентов в Чехословакии, в задачу которой входило выяснение особенности студенческого быта российских эмигрантов.

Разработкой плана проведения статистических исследований занялись доцент Д.Н. Иванцов и приват-доцент П.Н. Савицкий. К работе были привлечены волонтеры из числа студентов. В итоге были проанализированы семейное положение, вероисповедание, знание иностранных языков, материальное положение, состояние здоровья, политическая и общественная активность, социальный, возрастной, национальный состав студентов-эмигрантов.

Русский юридический факультет в Праге во многом повторял систему юридического образования Народного университета им. А.Л. Шанявского и представлял учебное заведение, в котором возможно было получить полное юридическое образование. Первый декан факультета П.И. Новгородцев отмечал: «Наша священная обязанность — восстановить оборванную нить преемственности в русском законодательстве, судебной практике и науке права, выявить исторические основы, общую структуру и здоровые тенденции нашего национального права, отметить, наряду с неизбежными ошибками прошлого, то жизненное, национально и государственно ценное, что в нем содержалось, подчеркнуть, где нужно, пагубное значение антинациональных, антикультурных, разрушительных тенденций ныне господствующего в Советской России коммунистического порядка вещей, и тем самым участвовать в создании прочной основы для сцепления исторического прошлого с будущим правопорядком сбросившей с себя оковы большевицкого ига, возрожденной России» [там же, л. 521].

Германия стала достаточно привлекательным местом для эмигриро-

вавших из страны представителей научной и культурной интеллигенции [10]. Наибольшее число беженцев прибыло сюда через территорию Польши в 1920 г. Основная их часть (две трети от всей русской диаспоры) проживала в Берлине и отличалась социальной однородностью, в основном это были представители дворянского сословия и культурной элиты. Из бывших преподавателей Московского городского народного университета в Берлине работали: Ю.И. Айхенвальд, Б.П. Вышеславцев (в Русской религиозно-философской академии), С.Н. Прокопович (в основном им Экономическом кабинете), Б.Д. Бруцкус (в Русском народном университете в Берлине). Среди преподавателей высшей школы из других городов Германии также можно было встретить бывших «шанявцев», так, например, Н.С. Арсеньев преподавал литературу в Кенигсбергском университете (1920–1944).

Франция, наравне с Германией и Чехословакией, стала крупнейшим Европейским центром консолидации русских эмигрантов. Несмотря на то, что французское правительство тщательным образом подходило к выдаче виз беженцам, в 1920 г. сюда стали прибывать русские мигранты из Турции в 1920 г., в 1923 г. — из Югославии, Греции, Болгарии, Чехословакии, Польши, Прибалтики, Германии. Беженцы из Юго-Восточной Европы получили больше преференций, нежели наши соотечественники из Центральных и Восточных Европейских государств, что было связано с участием Франции в решении ближневосточного конфликта. Поддержка местной власти была направлена на адаптации не только русских, но ар-

мян, пострадавших во время турецкого геноцида [11].

Большую организующую роль для наших эмигрантов во Франции сыграла учрежденная Русская политехническая школа, или Русский высший технический институт. Данное учебное заведение вошло под юрисдикцию Французского правительства и выдавало дипломы, эквивалентные дипломам французских высших школ. В состав академического персонала данного вуза вошли бывшие «шанявцы»: А.Н. Анцыферов, Н.П. Макаров, Б.П. Вышеславцев [4, л. 55–68]. Под редакцией профессора А.Н. Анцыферова выходил журнал «Вестник Русского высшего технического института во Франции», где публиковались не только научные статьи и сообщения, но также материалы о жизни института, обращения преподавателей и студентов.

Академическая группа в Париже играла большую роль в объединении русских беженцев. По ее инициативе в 1921 г. при Сорбонне были открыты русские факультеты: историко-филологический, права и экономики, физико-математический. Благодаря открытию новых учебных центров к 1924 г. в Сорбонне уже работало более 40 профессоров, которые продолжали традиции дореволюционного российского образования [13].

В 1925 г. в Париже был открыт Русский коммерческий институт. Институт находился в ведении Объединения Земских и Городских деятелей за границей и финансировался на средства Земско-городского комитета. Принцип управления института был взят по образцу народных университетов. Во главе учреждения стояло Правление, председатель и

члены которого избирались Советом объединения на один год. Особенностью института было наличие в составе Правления особой должности — директора института. Председателем Правления был избран А.И. Коновалов, а директорами сразу два человека — В. Лерат и В.Ф. Сологуб [4, л. 55–68]. Невозможно переоценить заслуги бывшего «шанявца» А.А. Титова в развитии химического и химико-технологического образования в Русском коммерческом институте. Он был членом правления Русского Академического союза во Франции, главой Общества русских химиков в Париже, проводил большую работу по объединению научных сил русской эмиграции для дальнейшего развития начатых еще в России исследований.

Основной задачей нового института была помощь беженцам, которые при наличии среднего или высшего образования, работали на французских фабриках и заводах. Кроме этого в Париже работали наши беженцы в различных торгово-промышленных фирмах, не имея при этом специального образования, и естественно нуждались в специализированных курсах.

Учебная программа Коммерческого института делилась на три части: изучение иностранных языков, овладение техническими приемами экономической деятельности, общепредметная подготовка (юриспруденция, политэкономия, финансы и фискальное законодательство).

Полный цикл обучения был рассчитан на два года. Одной из особенностей института стало преподавание на французском языке ряда предметов: бухгалтерии, коммерче-

ской арифметики, стенографии, физкального законодательства [там же], что способствовало лучшему усвоению иностранного языка.

В эмигрантской газете «Возрождение» 1931 г. можно прочитать, что Русский коммерческий институт разросся в огромную корпорацию, с большим бюджетом и солидным штатом профессоров. Правление института ежегодно отчитывается о расходовании финансовых средств и оказании благотворительной помощи нуждающимся преподавателям и студентам [там же, Л. 69].

В 1926 г. был открыт Франко-русский институт социальных и политических наук, ставящий своей задачей подготовку юношества к общественной деятельности на родине. Наши соотечественники в эмиграции верили, что их нахождение за границей — временное явление, возвращение на родину должно было обязательно состояться. Идея об учреждении института возникла еще осенью 1925 г. среди русских профессоров, являющихся членами Академического союза во Франции [там же, л. 50–51]. После объявления о наборе в институт в первый же год в число его слушателей было зачислено 153 студента.

Председателем Правления Франко-русского института был выбран Жэз Гастон, профессор Парижского университета, председателем Совета профессоров — П.Н. Милюков. В Совет профессоров вошли: М.В. Вишняк, П.П. Гронский, В.Б. Ельяшевич, А.М. Кулишер, А.М. Лазарев, А.М. Михельсон, В.П. Носович, Д.М. Одинец, Г.Б. Слюзберг, С.Н. Тимашев, Б.Е. Шацкий, Я.М. Шефтель, И.М. Херасков [там же].

Знаменательным событием в жизни наших эмигрантов стало открытие в 1921 г. Русского народного университета в Париже по инициативе Русской академической группы. Основной целью нового университета стало внешкольное образование взрослых. Присутствие в Париже достаточного количества бывших профессоров российских университетов позволило организовать различные лекционные курсы с учетом потребностей слушателей [там же, л. 406–422]. В отличие от Университета им. А.Л. Шанявского РНУ в Париже в основном ориентировался на практическую подготовку, в связи с этим там работали курсы изучения иностранных языков, художественной вышивки, кройки и шитья, автомобильные, автомеханические, электротехнические, слесарно-токарные курсы [там же, л. 425–452].

Одновременно с начавшимися после установления диктатуры пролетариата миграционными потоками на север, юг и запад, наблюдался отток выходцев из России на Дальний восток. В основном наши соотечественники обосновывались в Харбине, построенным в 1898 г. во время строительства железнодорожного сообщения на востоке Китая. В 1920-е гг. транссибирская магистраль была важнейшим путем для перемещения царской армии и гражданских лиц [13]. Здесь силами эмигрантов был создан Харбинский юридический факультет. Оказалось, что после установления советской власти в Омске, сюда переехали юристы: Г.К. Гинс, Н.В. Устрялов, Н.В. Миролюбов. Они стали инициаторами открытия юридического факультета. Первоначально в 1920 г. были созданы курсы, ко-

торые в 1922 г. были переименованы в факультет. В 1931 г. после японской оккупации Харбина многие наши соотечественники начали уезжать в другие страны, в том числе в направлении Североамериканского материка, в связи с чем научная и культурная жизнь «русского Харбина» стала постепенно затухать.

Для ассимиляции эмигрантской молодежи активными деятелями в области образования и просвещения была организация Русских народных университетов (РНУ), функционировавших в Праге, Белграде, Париже, Берлине. Кроме этого был создан ряд учебных заведений по образцу народных университетов, преследовавших основную цель — обучение эмигрантской молодежи по различным направлениям подготовки.

В 1921 г. в Чехословакии возникло Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), которое было нацелено на более тесное сотрудничество между корпорацией русских студентов из различных европейских городов. Общественное объединение просуществовало вплоть до 1931 г., но потом свернуло свою работу, что выразилось в отсутствии консолидирующих центров и стремлении русских студентов к интеграции в зарубежную социокультурную среду [14].

Особенностью европейской научной диаспоры было создание Русских академических групп (РАГ). Эти общественные объединения возникали в различных зарубежных научных центрах и привлекали к сотрудничеству профессоров и преподавателей, выходцев из России. Первая Академическая группа возникла в 1920 г. в Париже и носила название Фран-

ко-русский комитет. В состав группы вошли видные деятели Русского Зарубежья: Е.В. Аничков, С.И. Карцевский, С.И. Метальников, Н.М. Могилянский, С.Г. Попич, М.И. Ростовцев. Активная деятельность подобного объединения наблюдалась в США. В создании РАГ в США в 1923 г. приняли участие Б.А. Бахметев, Г.А. Ботезат, П.С. Гальцов, А.И. Петрункевич, С.А. Сатин, П.А. Сорокин. На протяжении длительного времени ассоциация русских ученых-эмигрантов была основной связующей структурой наших соотечественников, оказавшихся не по своей вине вдалеке от России.

Изучение особенностей русской научной эмиграции «первой волнь» наглядно продемонстрировало, что «Великий Октябрь» разрушил надежды ряда представителей отечественной науки на продолжение начатых в России исследований. Мечты о возвращении легитимной власти и крушении большевицкого режима многих русских переселенцев стали постепенно рассеиваться. Основными центрами отечественного эмигрантского движения «первой волнь» стали Берлин, Прага, Будапешт, Париж, Харбин, где наши соотечественники создавали учебные заведения по образцу российских народных университетов. Зарубежные народные университеты были разнообразны и по профессорско-преподавательскому составу, и по составу слушателей, и по занимаемому положению в системе высшей школы различных стран. Тем не менее, возможно определить некоторые характерные особенности Русских народных университетов зарубежья первой половины прошлого столетия, в частности: стремление

преподавателей этих вузов к научной и культурной самоорганизации, взаимодействие со своими соотечественниками, оставшимися в России или выехавшими за рубеж, а также стремление к интеграции в международный институт науки. К началу 1930 г. деятельность народных университетов зарубежья стала затухать, а к моменту окончания Второй мировой войны — практически прекращена.

Приходится констатировать тот факт, что деятельность научной диаспоры, выехавшей за рубеж и участвовавшей в организации там народных университетов, долгое время не рассматривалась отечественной и зарубежной историографией, поэтому обращение к данному вопросу помогло исправить сложившееся положение и заполнило «белые пятна» в истории высшей школы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10003. Оп. 2. Д. 26. Л. 456–465.
2. *Соловьев, В.М.* Три волны эмиграции. Хроника Русского зарубежья: Одиссея длиною в век. М.: ЛЕНАНД, 2016. 200 с.
3. *Гончаренко, О.Г.* Изгнанная армия. Полвека вынужденной эмиграции. 1920–1970 гг. М.: Вече, 2018. 400 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10003. Оп. 2. Д. 26.
5. *Серковская, Л.В.* Русский заграничный исторический архив в Праге (1923–1945). Воскресенск: Серебро Слов, 2015. 288 с.
6. *Новиков, М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. М.: Изд-во МГУ, 2009. 320 с.
7. ГАРФ. Ф. Р5764. Оп. 1. Д. 110.
8. ГАРФ. Ф. Р5837. Оп. 2. Д. 37. Л. 20.
9. ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 12. Д. 25.
10. *Volkman, H.-E.* Die russische Emigration in Deutschland, 1919–1939. Würzburg: Holzner, 1966. 154 p.
11. *Гусефф, К.* Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
12. *Ульянкина, Т.И.* Личный фонд профессора-экономиста А.Н. Анцыферова в архивном собрании Дома русского зарубежья им. А. Солженицына // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. Т. 33. № 2. С. 125–141.
13. *Ульянкина, Т.И.* Статистика, динамика и география русской научной эмиграции // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия / СССР. Первая половина XX века: в 2 т. М.: ИИЕТ РАН, Саратов: ООО «Амирит», 2018. С. 169–232.
14. *Волошина, В.Ю.* Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920–1930-е годы. М.: Форум, 2013. 448 с.

REFERENCES

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF).* F. 10003, Op. 12, D. 25 (in Russian).
2. *GARF.* F. 10003, Op. 2, D. 26. (in Russian).
3. *GARF.* F. R5764, Op. 1, D. 110 (in Russian).

4. GARF. F. R5837, Op. 2, D. 37, L. 20 (in Russian).
5. Goncharenko O.G. *Izgnannaya armiya. Polveka vynuzhdennoj emigracii. 1920–1970 gg.* Moscow, 2018, 400 p. (in Russian).
6. GARF. F. 10003, Op. 2, D. 26, L. 456–465 (in Russian).
7. Guseff K. *Russkaya emigraciya vo Francii: socialnaya istoriya (1920–1939 gody)*. Moscow, 2014, 328 p. (in Russian).
8. Novikov M.M. *Ot Moskvy do New-York: Moya zhizn v nauke i politike*, Moscow, 2009, 320 p. (in Russian)
9. Serkovskaya L.V. *Russkij zagranichnyj istoricheskij arhiv v Prage (1923–1945)*, Voskresensk, 2015, 288 p. (in Russian).
10. Solovev V.M. *Tri volny emigracii. Hronika Russkogo zarubezhya: Odisseya dlinnoyu v vek*, Moscow, 2016, 200 p. (in Russian).
11. Ulyankina T.I. Lichnyj fond professora-ekonomista A.N. Ancyferova v arhivnom sobranii Doma russkogo zarubezhya im. A. Solzhenicyna, *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 2012, vol. 33, No. 2, pp. 125–141. (in Russian).
12. Ulyankina T.I. Statistika, dinamika i geografiya russkoj nauchnoj emigracii, *Vihrevaya dinamika razvitiya nauki i tekhniki. Rossiya / SSSR. Pervaya polovina XX veka*, Moscow, IIET RAN, Saratov. 2018, pp. 169–232. (in Russian).
13. Volkman H.-E. *Die russische Emigration in Deutschland, 1919–1939*, Würzburg, Holzner, 1966, 154 p. (in German).
14. Voloshina V.Yu. *Vyrvannye iz rodnoj pochvy. Socialnaya adaptaciya rossijskih uchenyh-emigrantov v 1920–1930-e gody*, Moscow, p 2013, 448 p. (in Russian).

Фандо Роман Алексеевич, кандидат биологических наук, заместитель директора по науке, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, Российская академия наук, fando@mail.ru

Fando R.A., PhD in Biology, Deputy Director, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, fando@mail.ru